

УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 31-го Января 1916 г.

На русско-турецкомъ фронтѣ.

**
Ты минувшаго не цѣнишь,
Но пути для насъ намѣтилъ Богъ,
И тоской желаній не измѣнишь
Предначертанныхъ дорогъ.
Но не думай, что покорность
Намъ дана въ неизбѣнный законъ,
Нашъ завѣтъ—стремленіе и упорность
Противъ вѣтровъ всѣхъ сторонъ.
Мы должны летѣть, какъ стрѣлы
Съ тяжкимъ опереньемъ изъ свинца,
Дальше, дальше, въ вѣчные предѣлы,
Въ царство свѣтлаго Отца.
Круги адовой метели
Да не клонятъ горній нашъ полетъ
Отъ святой и воздѣлѣнной цѣли,
Отъ таинственныхъ воротъ.

Федоръ Сологубъ.

(«Б. В.»).

**
Нить порвана и гибнетъ стройность ткани,
Что мы съ тобой плели украдкой отъ
людей...
Надеждъ сверкающихъ и трепетныхъ
исканій
Померкъ призывный свѣтъ—отрада
тусклыхъ дней...
Ну, что-жъ! Теперь одинъ среди мечтаній
живыхъ
Я буду плестъ вѣнокъ изъ гибнущихъ
цвѣтовъ...
Пусть армата вѣтъ, но краски, краски
живы...
Пусть счастья нѣтъ, но есть обманы
сновь...
Сѣверный.

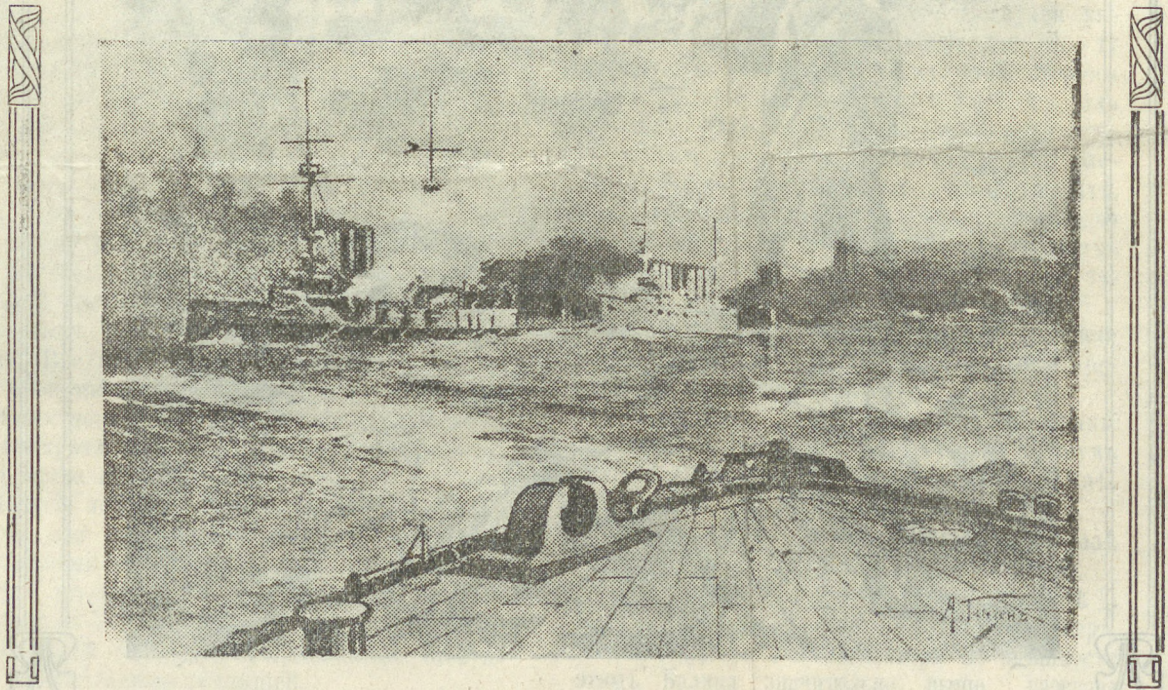
Объ Уточкинѣ.

Въ «Нов. Сат.» Арк. Аверченко дѣлится своими воспоминаніями о недавно скончавшемся авіаторѣ С. И. Уточкинѣ.

Въ глаза его звали Сергѣй Исаичъ,—пишеть Аверченко,—потому что уважали его; за глаза—Сереей, потому что любили.

Къ нему все шло—его фамилія, званіе, дѣлавшее его рѣчь компактной, спрессованной и яркой; его рыжее пальто англійскаго покроя, его рыжіе волосы, широкія плечи, веснучатое лицо, вѣчная сигара во рту и спортсменская повадка.

Издали онъ казался неуклюжимъ, широкимъ, немѣло сколоченнымъ, какъ медвѣдь. Но одинъ докторъ лѣчившій его въ позапрошломъ году

Обстрѣлъ русскимъ флотомъ Анатоійскаго побережья.

(одно изъ безчисленныхъ спортсменскихъ увѣчій), говорилъ мнѣ:

— Я видѣлъ сегодня голаго Уточкина. Никогда мнѣ не приходилось встрѣчать болѣе прекраснаго мужскаго тѣла!...

А докторъ былъ толковый
Вотъ тебѣ и медвѣдь.

Мое первое съ Сереей Уточкинымъ знакомство произошло такъ: однажды въ Одессѣ я проходилъ мимо кафе Либмана, лавируя между столиками на улицѣ; вдругъ чья-то рука дернула меня за пиджакъ. Я обернулся: незнаемое рыжее съ веснушекъ и бровей лицо, смѣлочись, глядѣло меня.

— В...в... вотъ, вы Аверченко?

— Да я.

— И... постройте стулъ.

Тогда онъ увлекался авіаціей и говорилъ только воздушными терминами.

Черезъ полчаса я былъ весь во власти его своеобразнаго обаянія, жадно прислушиваясь къ его иверной, ухабистой, какъ взрытая плугомъ дорога, рѣчи. Эта дорога, однако, всегда вела къ чему-нибудь цѣльному, интересному, чего нельзя сказать о плавной изыскавшей рѣчи иныхъ говоруновъ...

Вмѣсто вѣнка на могилу Серееи Уточкина, расскажу я при отрывкѣ изъ его богатой приключен.

чен. жизни... Эти отрывки безсистем., мелки и не имѣютъ никакой формы, но они дадутъ понятіе о характерѣ Сергѣя Уточкина—птицы небесной, ярко и весело чирикавшей подъ синимъ небомъ, пока смерть не застыкала эту птицу суровой зимой 1915 года...

Уточкинъ—чрезвычайно галантный кавалеръ,—пришелъ однажды въ одесское кафе со знакомой дамой.

Уточкинъ—галантный кавалеръ—своими широкими плечами и гипнозомъ своего имени добылъ среди кляпящей, какъ котель, залы кафе уголокъ чьего-то столика и два стула.

Но не успѣла его дама опуститься на притоложенный для нея стулъ, какъ какой-то стремительный бойкій одесситъ подхватилъ этотъ стулъ и, моментально усѣвшись на тычокъ у другаго стола, уже загорланилъ свою вѣковѣчную одесскую пѣсню:

— А я вамъ говорю, что съ этой пшеницей слезами не оберешься!!! Спросите Гуральника! Эта пшеница ему уже въ печенкахъ сидитъ вовсе!...

Что-то рыжее, широкое надвинулось на приторнаго продавца пшеницы, и спотыкающійся голосъ Серееи Уточкина спокойно и вѣжливо прозвучалъ:

На русско-турецкомъ фронтѣ.

Въ Армянскихъ предгорьяхъ Кавказа.

— В... вотъ, это мой стулъ. Я его приготовилъ для дамы...

— Что?— нетерпѣливо обернулся одесситъ. — При чемъ тутъ дама, не дама? Вы же не купили этотъ стулъ?

— В... вы должны отдать мнѣ этотъ стулъ. В... вы в... выхватили его изъ-подъ моей дамы.

— Ай, идите вы отъ меня съ вашей дамой! Что это, ей Богу, когда люди о дѣлахъ разговариваютъ, такъ они со своей дамой.

Крѣпкая, тяжелая рука легла на узкое плечо дѣлового одессита.

— З...здѣсь есть дамы, поэтому намъ неудобно разговаривать; выйдемте въ кондитерскую.

Выраженіе лица и глазъ Уточкина были таковы, что одесситъ выдался на лицѣ блѣдную вялую улыбку и сказалъ съ дѣловымъ спокойствіемъ:

— Кондитерская, такъ кондитерская... Пойдемте, если вамъ нравится; мнѣ что!

Когда они вышли въ просторное отдѣленіе, гдѣ продаютъ пирожныя, Уточкинъ положилъ одесситу свою каменистую руку на плечо и спокойно сказалъ:

— Пойдите и в... вотъ извинитесь передъ моей дамой.

— Что это еще за извиненіе? Почему это нужно? Стулья же общіе.

— Если вы не пойдете,—спокойно замѣтилъ Уточкинъ,—я положу Васъ на эти пирожныя.

— Ахъ, оставьте ваши эти шутки. Это никому не нужно.

— Не извинитесь, значить,—задумчиво спросилъ Уточкинъ.

— А! Мнѣ это уже надоѣло. Оставьте меня въ покоѣ.

Въ тотъ же моментъ онъ почувствовалъ себя висящимъ въ воздухѣ, а еще черезъ моментъ, легъ лицомъ, животомъ и колѣнками на стойку съ кремовыми пирожными.

— Вв...видите,—мироспособно замѣтилъ Уточкинъ.—В... вотъ я же вамъ говорилъ.

И спокойный, удовлетворенный, поспѣшилъ къ оставленной имъ дамѣ.

Нѣсколько одесскихъ пріятелей Уточкина загѣяли издавать сатирическій журналъ.

— Сережа,—пристали они къ нему.—Тебѣ все равно, согласишься быть ответственнымъ редакторомъ.

— К...какой же я редакторъ.—отвѣчалъ скромный Уточкинъ.—Я этого не умѣю.

— Да тутъ нечего и умѣть. Ответственный

редакторъ не ведетъ журнала, а только отвѣчаетъ за него. Напримѣръ, затронули мы кого-нибудь, уязвили—онъ приходитъ къ тебѣ объясняться.

Сережа залился счастливымъ смѣхомъ.

— Д...дра... В... вотъ, драться будетъ приходить?

— Ну, тамъ, можетъ быть, и не будетъ драться. Можетъ быть и такъ обойдется, безъ драки.

— В... вотъ, все равно, пусть приходитъ... Я его успокою. Согласенъ!

Все, что носило ароматъ приключенія, опасности, чрезвычайно его привлекало.

И, какъ это ни странно, дѣло съ редакторствомъ разстроилось изъ-за совершенно непредвидѣнной подробности.

Сережа подалъ въ градоначальство прошеніе о разрѣшеніи быть ему редакторомъ, а черезъ два дня лично зашелъ въ свой участокъ за отвѣтомъ.

— Ваше прошеніе не можетъ быть удовлетворено.—сказалъ ему приставъ, грузный, блѣдный человекъ, съ отекшимъ отъ недостатка движенія и спертого воздуха лицомъ.

— В... вотъ тебѣ разъ! Это еще почему?

— Не по формѣ составлено. Не указанъ вашъ адресъ.

— К...какъ же я могу указать адресъ, если его у меня нѣтъ? В... вотъ, не могу же я обманывать начальство.

— Какъ такъ нѣтъ адреса?—удивился приставъ.—Развѣ можетъ у человека не быть адреса? Въѣ вы гдѣ-нибудь живете?!

— М...мой адресъ—весь Божій міръ,—восторженно отвѣчалъ влюбленный въ природу Уточкинъ.

— Да гдѣ-нибудь вы же спите?

— Сильно!—сказалъ Уточкинъ.—Е...если вамъ нуженъ адресъ, гдѣ я сплю—такъ пишите: Большой Фонтанъ, м...морской берегъ.

— Ну, какой же это адресъ,—возмущенъ приставъ.—Ни номера дома, ни квартиры...

— В... вотъ, вы чудакъ! Какая тутъ къ черту квартира, к...когда я лежу, а надо мной ч...черный бархатный потолокъ и по нему, будто осколки зеркала, такіе большіе... Будто что-нибудь зеркаломъ п...по землѣ треснуло, а осколки упали на небо... А сб...боку меня, господинъ приставъ, шелестятъ волны, тешья, соленья, шуршать, и отъ нихъ господинъ приставъ, здор...ровьемъ пахнетъ!

Склонивъ голову, полускрывъ глаза съ гонимыми отъ бессонницы и сидячей жизни вѣками, слушалъ приставъ это веселое чирканье волнъной голубой птицы, залетѣвшей въ его смрачную клѣтку...

Но скоро опомнился, тряхнулъ головой и сказалъ увлеченному Уточкину:

— Нѣтъ, это все-таки, не адресъ. Какой же это адресъ: небо, камушки, волны какія-то. Нѣтъ, это не адресъ.

И было отказано Уточкину въ редакторствѣ «по формальнымъ причинамъ»...

«Нов. Сатир.»

Ариадій Аверченко.

Литературныя замѣтки.

Въ Петроградѣ, родился новый журналъ «Народная Мысль»...

Съ какимъ то особымъ чувствомъ я беру всегда въ руки первый № «новорожденнаго» журнала. Я давно уже ищу чего то новаго въ литературѣ, ищу того, что не забылось бы сразу, какъ забывается большинство произведеній современныхъ, большихъ и малыхъ писателей. Рѣдко попадаетъ вещь, которая надолго оставитъ неизгладимый слѣдъ въ моей

Въ Константинополѣ.

Тяны турецкихъ рекрутовъ.

душѣ—но это, повторяю, рѣдко. Но не буду касаться причинъ «сѣренькаго» состоянія нашей литературы, это не входитъ сейчасъ въ мои задачи, я хочу только дать нѣсколько выдержекъ изъ новаго журнала и объяснить этимъ фивіономію «новорожденнаго». Журналъ «Народная мысль» — журналъ народническій — подраздѣляется рѣзко на два отдѣла: литературно-художественный и социально-философскій, который я оставляю въ сторонѣ, какъ мало интересный не специалистамъ по этимъ вопросамъ и останавливаюсь только на литературномъ отдѣлѣ. Этому отдѣлу предшествуетъ небольшое credo редакціи.

«Въ часъ тяжелыхъ испытаній, выпавшихъ на долю отечины, приходится выступать нашему журналу. Но ни трагичность событій, ни кризисъ дорогихъ намъ идей, не могутъ заставить насъ отказаться отъ тѣхъ завѣтовъ русской общественности, которые красной нитью проходятъ въ ея исторіи. Нашъ журналъ является вѣрнымъ хранителемъ этихъ завѣтовъ. Высшей святыней является для насъ идеалъ гармонически развитой цѣльной личности, стремящейся къ коллективному творчеству культуры при посредствѣ полной социальной солидарности съ другими такими же личностями. Этотъ идеалъ выдвигаетъ задачу борьбы за социальное освобожденіе человека, и за созданіе наиболее идеальныхъ экономическихъ, политическихъ и культурныхъ условий для его всесторонняго развитія. Самымъ цѣннымъ проявленіемъ личности мы считаемъ трудъ, какъ наиболее творческое и цѣлесообразное направленіе личныхъ силъ... Намъ дороги интересы всѣхъ трудящихся, эксплуатируемыхъ классовъ, составляющихъ въ своей совокупности народъ, въ томъ смыслѣ слова, въ какомъ понимали его наши предшественники: Герценъ, Чернышевскій, Лавровъ, и Михайловскій»...

Характерно отношеніе журнала къ войнѣ:

Въ современной войнѣ нападающей стороной является германо-австрійская коалиція, преслѣдующая империалистическую политику. Россія и ея союзники выступаютъ въ качествѣ стороны обороняющейся и потому имѣютъ полное право защищать себя отъ нападенія.

Побѣда Германіи отразится самымъ губительнымъ образомъ на будущихъ судьбахъ не только Россіи, но и Европы.

Въ Европѣ побѣда центральныхъ имперій привела бы: 1) къ торжеству германской мо-

нархій, едва ограниченной конституціонными учрежденіями, надъ передовыми демократіями—Франціи и Англійи и 2) къ большому рѣзкому европейской империалистической политикѣ и началу милитаризма, чѣмъ при сохраненіи status quo, или побѣдѣ союзниковъ..

Для Россіи побѣда Германіи означала бы: 1) уплату огромной военной контрибуціи, 2) отторженіе насильственнымъ путемъ значительной части территорій и рядъ другихъ невыгодныхъ для трудового населенія послѣдствій. Все это на долгое время затормозило бы экономическое, политическое, культурное и общественное развитіе Россіи...

Демократизація самообороны страны—такова наша первая задача..

Другой лозунгъ: организація народныхъ массъ для самообороны и самообороны для организаціи народныхъ массъ..

Въ литературно-художественномъ отдѣлѣ помѣщены стихотворенія и два разсказа, въ достаточной степени подчеркивающіе «лозунги» выставленные редакціей.

Въ разсказѣ Андрея Бѣглаго «Гдѣ золото роютъ въ горахъ», «живописуются» волненія русскихъ рабочихъ въ какомъ то портовомъ городѣ Дальняго Востока; волненія вызваны «желтой опасностью» — китайцами, приѣздъ которыхъ можетъ повліять на заработную плату:

Но «уличкѣ» съ мѣшками за спиной и котелкомъ на боку, съ какими то палками да мѣшками, торчавшими изъ грязныхъ мѣшковъ, низко согнувъ усталую спину, шагаль китайецъ-манчжуръ. Онъ переваливался съ боку на бокъ, какъ утка. Смѣшно моталась изъ стороны въ сторону рѣдкая косенка, черная, какъ уголь: сѣро-грязная тубитейка сползла на затылокъ. Голый, далеко выбритый, выщуклый лобъ, лимонно-желтаго цвѣта, слезталъ отъ пота. Кто-то подставилъ ногу. И китайецъ, вперивъ узкія щелки глазъ, въ пр-странство, не замѣтилъ ноги... Шагнулъ разъ.. Подпрыгнулъ.. Поднялъ ногу еще и, не рассчитавъ, звеня грохнувшись на присталя. Чуть не рассыпалъ мѣшки. Захохотали. Китайецъ ругался. Крѣпкая, отборная брань мгновенно повисла тяжелымъ пологомъ надъ голыми толпы, забиралась въ уши и дальнѣ, (?) паранала. Хохотали.. видно не всѣхъ паранала — Сворчъ! Бродяга! Перешель китайецъ на легкую; шима (зачѣмъ) тебѣ илай? — Дай ему по уху, вотъ ему и будетъ играй! кричали возлѣ. Кто то пребольно дернулъ китайца за косу.—Сесе! Согнулся китайецъ, стиснувъ зубы. И обернулся въ ту сторону. Въ эту минуту съ этой стороны одинъ рабочій опять рванулъ косу и далъ въ спину тумакъ. Китайецъ обернулся сюда. Въ узкихъ прорѣзахъ глазъ заблестали слезинки. Заблестѣли слезинки и на щекахъ. Онъ теперь ужъ визжалъ, осыпая отчаянною бранью на русскомъ и китайскомъ языкахъ присутствующихъ. Сзади кто то саданулъ по затылку... и т. д. и т. д...

Китайцы въ долгу не остались и устроили черезъ нѣсколько дней своеобразный «реваншъ», довольно «красочно».

«Посыпались удары. Посыпалась брань. Сквозь гулъ и топотъ ногъ, сквозь шумъ ударовъ, прорывались звуки: Сы!.. Ча!.. Лан!.. Сы!..

Зы!.. Чай!!! фу... Стой!.. Бей!.. Ааай!.. ааа! Чааа!.. Фууу!.. и такъ до безконечности.

Таковъ разсказъ Андрея Бѣглаго. Въ этюдѣ Д. Балака «Слѣпая любовь», выведенъ инженеръ, конечно, буржуа и эксплуататоръ. По вышности этюдъ Балака значительно выше разсказа Андрея Бѣглаго.

Во времена студенчества инженеръ Георгъ былъ внѣ подражанія:

«Георгъ, молодой студентъ, боготв. Анци (любимую дѣвушку). Слѣдуя закону юности, тому святому, что проходитъ черезъ рядъ вѣковъ, и Георгъ и Анна въ любовь свою несли

Къ вопросу о хлопкѣ.

Сборъ хлопка.

На всероссійскомъ съѣздѣ дѣятелей народнаго театра.

Сидятъ (слѣва направо): гг. Ан—скій, А. Г. Закалянский, Свержевскій, Е. П. Карповъ, П. И. Пѣвинъ, А. А. Яблочкина, В. Д. Полѣновъ (предсѣдатель), А. Н. Кремлевъ, Э. Матѣрнъ, М. С. Щегляевъ, Н. Ф. Аксагарскій. Стоятъ: гг. Мельниковъ, Тихоновичъ, Ю. Э. Озаровскій, Брюхатовъ, Бурджаловъ, Лучининъ, Здвиженскій, Роні новъ, Иеуповъ, Комаровъ, Сыромѣтниковъ, Соболевъ, Студеновъ.

Группа участниковъ Съѣзда.

лучшее. Вырывалось это лучшее изъ глубины невѣдомыхъ, ширилось, преображалось вокругъ все: закипало глаза. И сверкали глаза одухотворенно, и безвѣстное переливалось цвѣтами. Соследились, въ мирѣ земномъ стоятъ двое—двое владѣютъ миромъ. Двое вѣрныи одинъ, въ другого. Одинъ другому казался богомъ: лунезарнымъ свѣтомъ лицо сіяло. Ихъ не пугаетъ ничто. Въ-стѣ души не такъ страшны. А люди чужіе—люди чужіе всѣ братья. Къ этимъ несчастнымъ пойдутъ. Согрѣять, обласкать, подойти съ добрымъ сердцемъ—задача. И уменьшится горе. Уничтожится зло. Внутренній огонь изъ сокровищницы душевной вырвется—поглотитъ злобу. Несчастье исчезнетъ... А вѣдь злобою создано несчастье, злобою, борьбою погубили радость людей, хотя въ мирѣ каждому есть мѣсто: миръ для людей такъ обширенъ.

Гордо сверкали глаза: молніи въ нихъ пролетали. Ярче, пынѣе звучали слова. Клубились надежды. Всѣхъ не вспомнить теперь...

Позднѣе надежды исчезли, позднѣе слова отцвѣли».

По всему, говорятъ, бываетъ конецъ.

Надежды исчезли, слова отцвѣли. Яркія, пынныя слова, сказанныя Георгіемъ, въ часы клятвъ, поблекшія въ Петроградѣ, замѣнены теперь пошлыми мечтами. «Карьера, связи, деньги, богатство»—вотъ единственная тема домашнихъ разговоровъ, главная причина всѣхъ ссоръ. Аннѣ не узнать Георга. Онъ не тотъ не прежній. Дѣтскими считаетъ свои студенческія планы, легко изменилъ всѣмъ имъ: многое забылъ за это время. А надъ немнотимъ, что уцѣлѣло чудомъ, цинично смѣется, не замѣчая блѣднаго лица Анны, не слушающаго возраженій. По словамъ Георга, всѣ женскія возраженія—пустое ребячество, ро-

мантушаскія трезы... «Деньги достаются трудомъ»—такъ говорилъ обычно Георгъ въ защиту новой теоріи. По новой теоріи—работа инженера не долгъ, не трудъ на благо людей, нѣтъ: лишь возможность стать выше: средство борьбы, болѣе реальное, чѣмъ другія средства. Легче достигнуть богатства, сдѣлать карьеру...

Въ концѣ концовъ инженеръ «зарвался»: Аннѣ открываетъ глаза на жульническія спекуляціи мужа родевенникъ, доцентъ Гвоздичевъ. Назрѣваетъ объясненіе съ мужемъ, которое Анна откладываетъ до утра. Вечеромъ обыскъ у мужа. Боязнь скандала и позоръ все еще любимого человека заставляютъ Анну прийти къ какому нибудь рѣшенію:

«Медлить нельзя Быстрымъ движеніемъ руки Анна выдвинула ящикъ стола, гдѣ лежалъ бульдогъ. Холодное дуло зарежало въ зубахъ, коснулось языка, обожгло. Глаза еще разъ скользнули по комнатѣ. Закрылись. Нервно рука нажимала. Раздался выстрѣлъ».

Оба разсказа производятъ какое то странное впечатлѣніе: замѣтно стараніе авторовъ подчеркнуть «лозунги» народническаго журнала, что, конечно, сказывается на общемъ впечатлѣніи, которое эти разсказы производятъ.

Кромѣ разсказовъ помѣщены нѣсколько стихотвореній: Василій Яшинъ слишкомъ «своеобразно» подбираетъ рѣзмы:

«Тамъ у лѣска, на опушкѣ
Вѣчно открыто окно,
Кружатся бѣлыя мушки.
Мнѣ—холодно...» (?).

Изъ всѣхъ стих—ній заслуживаетъ вниманія только стих—ніе А. Симеоновой, которое я привожу полностью:

«Помнишь, какъ въ часъ нашей призрачной
встрѣчи

Пѣли куржаты съ заоблачныхъ башенъ:
«Люди, вашъ жребій несказанно страшенъ.
Въ себѣ померкли послѣднія свѣчи».

Черная смерть свои черныя руки
Мутнымъ кольцомъ надъ землей протянула.
Слышите грохотъ подземнаго гула.
Близится часъ неизбежной разлуки».

Помнишь, тогда въ заколдованномъ залѣ
Въ память великой любви и угрозы
Я подарилъ тебѣ черныя розы.
Черныя розы въ лазурномъ бокалѣ».

И молчаливо подъ складками газа
Ты въ полутмѣ улыбулась сквозь слезы:
Ты вѣдь сама, какъ лазурная ваза
Молча таишь въ себѣ черныя розы»...
Такое первое № народническаго журнала.

Маръ.

